

С.И. Барзилов, Е.Н. Барябина

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СОЦИУМА

Ментальность как общественное явление, социокультурный феномен и фактор политического поведения зависит от качества и состояния социальной среды, в которую она вписана. Ментальность социума находится в различных соотношениях с экономическими и политическими обстоятельствами и тенденциями общественных изменений. Для современной ситуации в России характерна сравнительная самостоятельность общественной психологии и мировоззренческих установок в мотивации и модификации политической активности населения. В условиях глобального социально-политического кризиса возрастают идейно-политические и культурно-мировоззренческие факторы социальной идентификации. Групповая ментальность компенсирует неразвитость политико-экономических обстоятельств самоорганизации общностей.

В первую очередь это относится к провинциальному социуму, ментальная самоидентификация которого дополняется так называемой негативной самоидентификацией, основанной на игнорировании ценностей и норм других социальных групп. Социальное единство провинции осознается ее субъектами преимущественно через свое противопоставление нормам, ценностям и образу жизни столичного социума. Разрушение вертикальных механизмов самоидентификации российского общества происходит при сохранении горизонтальных или территориальных ее механизмов. Территориальные механизмы воспроизводятся через формирование региональных административных элит как носителей провинциальной ментальности, через становление местных идеологий как концептуального выражения этой ментальности, через оформление новых политико-организационных форм общественной жизни на местах. Провинциальное политическое сообщество осознает себя во многом через противопоставление собственных и общефедеральных интересов.

Собственные и общедофедеральные интересы в политическом сознании провинции имеют своеобразную интерпретацию и воплощение. Собственное воспринимается не в его социокультурном, ценностном значении, а как нечто отчужденное, присвоенное материально-вещественное от общедофедерального, от общезначимого, которое отождествляется с принадлежащим другим социальным группам, другому сообществу. В рамках провинциальной политической ментальности и идентичности формируется своего рода замкнутый круг и логический тупик, который играет в общественном поведении населения не меньшую роль, чем социально-политический кризис, к которому произошла определенная адаптация и привыкание. Это привыкание сопровождается затянувшимися социальными ожиданиями или отложенными потребностями, которые воспроизводятся в ментальности. По своим социальным качествам провинциальная ментальность во многом определяется психологией отложенных социальных ожиданий, идентификацией механизмов их реализации с дофедеральной властью и населением привилегированных городов, извлекающих социально-экономическую выгоду из своего административного статуса.

Замкнутый круг или логический тупик в провинциальной ментальности обусловлен целым рядом мировоззренческих стереотипов в общественном сознании регионального социума. Содержание этих стереотипов можно выразить следующим образом. Во-первых, общезначимое, подлежащее совместному распоряжению, имеет не столько социокультурное, сколько материально-вещественное одержание. Всякое опосредованное владение-распоряжение есть миф и мистификация экономического и социального процесса. Механизм владения-распоряжения не распространяется за пределы повседневного и эмпирического опыта их субъектов. Владение-распоряжение и натуральное потребление суть две стороны одного и того же явления. Следовательно, общезначимое, принадлежащее всем сразу, является ни чем иным как отчуждением и национализацией индивидуально принадлежащего. Тогда как общественное, общенациональное есть отчужденное провинциальное, поступившее в распоряжение дофедеральных чиновников, финансовых магнатов и прочих привилегированных слоев общества.

Общественное и социально-ценностное в ментальности провинциального социума превратилось в синоним отчужденного, противостоящего индивидуальному. Ментальность в связи с этим постепенно

утрачивает свой общеисторический масштаб и измерение, свои этноконсолидирующие свойства и смыкается с идеологией и политикой регионального сепаратизма и элементарного самосохранения, самовывживания. Тем самым в рамках идеологической парадигмы регионального сепаратизма произошла смена мировоззренческих оснований и точек отсчета. Если ранее сепаратизм в основном подпитывался амбициями этноэлит и эгоизмом номенклатуры сравнительно благополучных регионов, то в настоящее время сепаратизм смыкается с проблемами и механизмами самосохранения и самовывживания провинциального населения. На местах произошла своего рода социализация сепаратистских тенденций, т. е. расширение их социальной базы. Эти тенденции приобретают постепенно экспансионистский характер, когда ставка делается на местные силы и условия, на продвижение в федеральную власть своих лидеров. Если ранее региональная элита пыталась навязать свою идеологию всему провинциальному населению, наталкиваясь на противодействие его политической самоорганизации через местное самоуправление и партийные организации, то в настоящее время ситуация изменилась. Местное самоуправление превратилось в декорацию, в протокольный ритуал, а партийная структура разрушена. Провинциальный социум политически консолидируется под интересы и идеологию местной элиты. Произошло постепенное углубление и расширение социальных основ не только сепаратизма, но и политики в целом. В конечном счете, это привело и к изменениям в провинциальной ментальности.

Углубление социальных основ и параметров ментальности реализуется по нескольким направлениям:

во-первых, как превращение региональной идеологии из способа консолидации интересов региональной элиты в средство консолидации и самоидентификации провинциального населения в целом;

во-вторых, как осознание населением своей идентичности и этнокультурной самобытности вне партийных идеологических систем, в основном политически дифференцирующих общество;

в-третьих, как крушение попыток бюрократического формирования общегосударственной идеи или моноидеологии под интересы федеральной номенклатуры и становление региональных миниидеологий, выражающих интересы провинциального социума;

в-четвертых, как постепенное, хотя и небеспроблемное сближение идейных позиций административной и интеллектуальной элиты регионов, своего рода «бонапартизация» местных политических режимов¹;

в-пятых, упадок и разрушение местных «партий власти», ориентирующихся на партийное структурирование федеральных органов власти.

Местная административная элита настолько укрепила свое политическое положение в регионах и во властных федеральных структурах, а федеральная власть, в свою очередь, настолько утратила свое влияние на местах, что для региональной элиты отпала необходимость копировать партийное строительство наверху. Она вольна входить в любые политические блоки и исповедовать любую идеологическую систему. Федеральная «партия власти» уже не влияет на отношения региональной элиты и населения. Центр как политическое опосредование и идеологическая величина утратил свое влияние в региональном политическом пространстве.

«Социализация» политической ментальности регионального социума связана с определенной модификацией и самого понятия ментальности. Вполне естественно, что его объем и содержательная нагрузка изменяются в зависимости от изменения характера и тенденций общественных явлений, которые им охватываются. Понятия подвижны в своих качествах, как подвижна сама политическая практика. В настоящее время наметилось сближение между культурно-ценностными и социально-деятельностными аспектами провинциальной ментальности, что, по нашему мнению, прямо противоположно тенденциям в изменении ментальности столичного политического сообщества. Особенности в характере дистанции ценностного и деятельностного аспектов ментальности, как нам представляется, существенно отличают региональный и столичный социумы.

Культурно-ценностные параметры провинциального образа жизни представляют собой систему нравственно-этических приоритетов и мировоззренческих стереотипов, определяющих социальное поведение субъектов, сформировавшихся на этапе и в процессе их социализации и действующих наряду с экономическими, политическими и социальными условиями данного поведения. Через свои культурно-ценностные параметры ментальности индивид идентифицирует себя с той или иной социальной группой, считает вхождение в данную груп-

пу для себя социально ценным, в определенных случаях приоритетным. В данном случае понятие и явление ментальности в политическом плане тяготеет к таким явлениям и понятиям как идеология, в социальном - как социальная идентичность и классовое сознание. В частности, термин «классовое сознание» рассматривается социологами и политологами как «ощущение самосознания или общей идентичности в целом, свойственное членам определенного социального класса»². В данном случае понятие ментальности вписывается в систему постнеклассической социологии.

Деятельностный аспект ментальности тяготеет к проблемам образа и качества жизни, социальной коммуникации. Вне своего деятельностного аспекта ментальность неизбежно превращается в область предположений, субъективных оценок, случайных параметров и показателей. Проявлением собственно ментальности в отличие от внешней экономической, социальной и политической мотивации поведения является факт нравственной, индивидуально-ценностной обусловленности данного поведения. В основе поведения лежат обычно ментальные факторы. Экономические и социально-политические обстоятельства в основном модифицируют, опосредуют взаимосвязь между ментальностью субъекта политики и его поведением, реагированием на внешнюю среду. Ментальность индивидуализирует поведение, придает ему личностное своеобразие. Экономические и политические условия есть факторы преимущественно группового, коллективного поведения.

Таким образом, культурно-ценностные параметры ментальности фиксируют приоритет индивидуального над групповым и общественным, деятельностные ее аспекты - приоритет группового, коллективного над индивидуальным. В зависимости от конкретной социальной ситуации в обществе или в регионе тот или иной аспект ментальности обычно доминирует. В обществе кризисного, переходного типа, что представляет собой в настоящее время провинциальный социум, доминирует деятельностный аспект ментальности, связанный с оперативным реагированием населения на ухудшающуюся экономическую и политическую ситуацию. Поведение субъектов политики на местах мотивируется не столько индивидуально-личностными параметрами, сколько ориентацией на определенные коллективные стереотипы, чем, в частности, является региональная идеология, официальная пропаганда, образ жизни приближенных к власти социальных слоев.

Для провинциальной политической ментальности характерно подчинение культурно-ценностного аспекта ментальности ее деятельностному аспекту. Метод быстрого реагирования на ситуацию снижает значение основополагающих нравственных норм в общественном мнении и сознании. В данном случае для провинциального населения важна не ценностная мотивация поведения, а полученный результат. Феномен и значимость результата во многом обусловлены ограниченностью социальных и материальных резервов, запаса прочности. Одно неверное движение, и каждый может оказаться на социальной обочине, за чертой бедности. Здесь бывает не до индивидуальных предпочтений, критерием истинности суждения и разумности поведения становится опыт других людей и социальных групп, переживающих или переживших сходную ситуацию. В этом случае дистанция между культурно-ценностным и деятельностным аспектами ментальности крайне укорочена и рационализирована.

Иные характеристики, как нам представляется, присущи ментальности столичного и привилегированного социума. Культурно-ценностный и деятельностный ее уровни реализуются относительно самостоятельно, что характерно для сравнительно материально обеспеченного и экономически эффективного общества. Для современной России это дополняется и обеспечивается и определенными политическими привилегиями. Вся идеология и программа движения «Отечество - Вся Россия» осознанно или неосознанно подпитывается существенным расхождением между культурно-ценностным и деятельностным аспектами ментальности. Предполагается, что такое расхождение свойственно и современной российской провинции.

Это расхождение предполагает в основном два варианта своего существования, проявления и воспроизводства: а) «думаем одно, а совершаем несколько иное»; б) «совершаем одно, а выводы делаем несколько другие». То есть нравственная мотивация поведения и последующая моральная оценка действия неадекватны его характеру. Лидеры движения «Отечество - Вся Россия» пытаются убедить москвичей, что они живут за счет современного труда и современных резервов, что опыт столичного сообщества может быть повторен по всей России, необходимо только привести «Отечество» к власти. Культурно-ценностная константа столичной ментальности свидетельствуют о самоценности опыта, самодостаточности социальных и экономичес-

ких ресурсов. Деятельностная же константа вполне уживается с потреблением и внеэкономическим присвоением значительной части ресурсов остальной России. Не случайно федеральный центр являлся и является основным, если не единственным, центром либерализма в его российском исполнении, в то время, когда в провинции это понятие стало нарицательным, а само слово - символом негативной идентификации.

Отличие провинциальной ментальности от ментальности столичного социума обусловлено во многом качествами деревенской или крестьянской ментальности. Видимо, следует проводить различие между такими понятиями и явлениями как «сельская», или «деревенская ментальность», «крестьянская ментальность», «провинциальная ментальность» и «ментальность городского социума». Они не перекрывают друг друга, а взаимодействуют в рамках этнической ментальности, точнее, в рамках ее социокультурных параметров. В каждом из отмеченных типов ментальности соотношение между ее культурно-ценностными и деятельностными аспектами различно. В понятие «деревенской» или «сельской ментальности» вкладывается такое содержание и такое качество жизни, характер мышления и политической ориентации, которые свидетельствуют о приоритете естественно-географических, территориально-поселенческих факторов над факторами производственно-экономическими, социально-политическими, социокультурными в мотивации общественной деятельности. Это приоритет природных обстоятельств, связанных с качеством земли как основного средства производства и субъекта собственности, не созданного человеческим трудом в отличие от индустриального производства. Сельскохозяйственное производство, сельский образ жизни воспроизводят приоритет естественных условий жизнедеятельности над сформированными человеком условиями собственной деятельности. Естественные условия мало изменчивы, более консервативны. Не случайно в социологической и политологической литературе деревня характеризуется в основном по линии своего отставания от города. «Деревня отличается от города меньшей степенью социально-экономического развития, известным отставанием уровня благосостояния людей, их быта, что, собственно, сказывается на социальной структуре и образе жизни населения»³.

Понятия крестьянской и провинциальной ментальности являются в своих основных качествах уровнями отражения и воспроиз-

водства «деревенскости», «сельскости» в их позитивном и негативном содержании. В рамках крестьянской ментальности естественно-географическая, территориально-поселенческая детерминанта опосредуется характером труда, формой и вещественным составом собственности, особенностями владения-распоряжения ею. Естественно-географический фактор здесь смыкается с фактором экономическим, психология сельского жителя и работника дополняется психологией собственника и владельца. Если в дифференциации условий сельской и городской ментальности доминируют естественно-географические факторы, то в дифференциации факторов крестьянской и некрестьянской ментальности приоритет отводится отношениям земельной собственности. Крестьянин как социальный тип и носитель свойственной ему ментальности вписан не столько в природную среду, сколько в соответствующую производственно-экономическую систему. Он является, прежде всего, элементом социальной структуры и определенного типа собственности как социального института.

Провинциальная ментальность обладает свойствами периферийности, производности в основном от крестьянской ментальности⁴. Провинциальность как социальное качество определяется рядом моментов. Во-первых, тем, что около 50% нестоличного населения живут в сельской местности, из них около 60% занимаются сельскохозяйственным производством и переработкой с-х продукции. Около 40% жителей районных центров, имеющих статус городов, являются горожанами лишь в первом поколении. По приблизительным подсчетам около 70% населения этих центров имеют родственников в деревне и поддерживают с ними отношения. Более 80% имеют личные подсобные хозяйства, из них 40% - крупный и мелкий рогатый скот. Среди жителей областных центров более 40% являются вчерашними сельскими жителями и только 30% - потомственными горожанами⁵. Естественно, что культурно-ценностные аспекты менталитета этих жителей даже в условиях города во многом являются типично крестьянскими, следовательно, провинциальными.

Таким образом, под провинциальным менталитетом или ментальностью мы понимаем систему социальных ценностей и обусловленных ими действий, вытекающих из противоречия между в основном крестьянскими культурно-ценностными и мировоззренческими аспектами и деятельностными аспектами, обусловленными индустри-

альным производством и городской социокультурной средой. Одним словом, носитель провинциальной ментальности- это вчерашний сельский житель, находящийся в условиях индустриального производства и с городской пропиской. В данном случае провинциальная ментальность фиксируется по основному ее типу и носителю. Это некий усредненный статистический вариант, имеющий и вмещающий целую гамму полутонов и оттенков. Провинциальная ментальность свойственна и типично сельскому населению, и жителям средних городов, и населению индустриальных и культурных центров регионов. Она характеризует, хотя и в различной степени, маргинальные слои, средний класс и элиту. Таким образом, провинциальную ментальность правильнее было бы оценивать как некую сквозную тенденцию, свойственную всему региональному социуму.

Провинциальная ментальность имеет свои политико-социологические измерения и показатели. Ее дифференциация совпадает с политико-социальной дифференциацией современного российского общества. Она имеет свои мировоззренческие, идеологические и культурно-ценностные параметры. Мировоззренческие параметры в основном касаются общих контуров ментально сти, в пределах которых она сохраняет свое качественное своеобразие. Это своего рода система смысловых символов, которые получают определенную интерпретацию в идеологии и в культурно-ценностном содержании. Мировоззрение как система координат отнюдь не анонимно в социально-политическом и аксеологическом аспекте. Оно в большей степени космополитично, универсально и конвенциально и обладает кооперационным, консолидирующим эффектом, поскольку сформировано социальными общностями и политическими движениями на основе практики, которая обладает элементами универсальности и повторяемости. Мировоззрение аксиоматично, поскольку наполнено концептуальностями на уровне аксиом, подтвержденных социально-политической практикой различных социумов и политических сообществ. Различные политологические и социологические законы представляют собой систему мировоззренческих стереотипов. Идеология и культурно-ценностная компонента ментальности есть в данном аспекте интерпретация мировоззренческих символов применительно к тем или иным целям. Идеология обслуживает интересы политических движений, ассоциаций. Она целенаправленна, воплощает в своем содержа-

нии определенную цель и социальный ориентир, а также наиболее оптимальные с позиции того или иного политического движения способы их реализации. Через идеологию мировоззрение приобретает мобилизационный, пропагандистский характер. Собственно нужно проводить различие между мировоззрением как системой и ее идеологической интерпретацией.

Думается, существует разница между идеологией и идеологической интерпретацией мировоззрения. Идеология по своей сущности монопольна. Во-первых, она имеет тенденцию в той или иной степени к монополизации системы, к сакрализации и унификации своих построений. Мировоззренческий монополизм и стандартизация мышления характерны для идеологии. Во-вторых, идеология принадлежит какой-либо одной организации или движению. Всеобщая идеология - нонсенс. Идеологическая интерпретация мировоззрения представляет собой явление совершенно иного плана. Несмотря на свою идеологичность, за пределы мировоззрения она не выходит и сохраняет основные качества мировоззрения. Это есть попытка приспособления мировоззренческих универсальных постулатов теми или иными политико-идеологическими системами.

Культурно-ценностные аспекты ментальности связаны, по нашему мнению, с функционированием механизма этно-групповой идентификации, поскольку в системе идентификации доминирующая роль принадлежит именно этим аспектам. Все вышеперечисленные аспекты и содержательные элементы ментальности представляют не что иное, как уровни ее функционирования. Мировоззрение характерно для государственных образований, идеология - для партий и общественных движений, культурно-ценностные аспекты - для социальных общностей и социальных институтов.

Провинциальная ментальность также имеет свои уровни: а) уровень сельского социума; б) мелкого провинциального города; в) индустриального, административного, культурного центра; г) провинции в целом. На каждом из уровней присутствуют свои особенности мировосприятия и реагирования на окружающую среду. Существуют свои механизмы воспроизводства, устойчивости и социальной коммуникации. Социальная коммуникация в провинции имеет свои параметры, связанные с особенностями крестьянско-провинциальной ментальности, которая уже не соответствует традиционной русской ментальности.

ти, описанной Ф. Достоевским, И. Тургеневым, Л. Толстым и получившей название «загадочной русской души». В провинциальной ментальности господствует уже не собственно естественно-природное, крестьянско-земледельческое, а преимущественно иждивенческое, во многом и породившее «МММ», «Русский дом-Селенга» и «Властилину». Провинциальная ментальность глубоко поселилась и в головах исполнительной и законодательной власти.

В современном русском провинциальном этносе разделилось понятие национально-этнического, социально-производительного и культурно-общностного. Возможно, это и есть одна из главных причин основных социальных катаклизмов и политических конфликтов. Русский этнос перестал быть несущей социальной конструкцией российского общества и государства, и пришло это не столько, возможно, из столиц, сколько из провинции. Ждать социального обновления из провинции бесперспективно, если она сама давно ждет доброго и хлебосольного правителя сверху.

Крестьянская, провинциальная ментальность традиционно для российского общества не является конструктивной. Большевистская радикализация начала 20-го века была основана на «нерешенности аграрного вопроса», на эксплуатации люмпенских настроений в деревне. Во многом на этом споткнулись столыпинские реформы. Думается, что появление русской интеллигенции как образованного социального слоя и идеологически ангажированного элемента во многом было обусловлено социально-политической безвекторностью крестьянской массы, которая почти никогда не была мотором производственного и культурного прогресса. То, что мы имеем сейчас в экономике, в политике, в культуре, возможно, обусловлено массовым приходом крестьянства и провинциалов в политику. Вместо демократизации политики, к сожалению, случилось ее приспособление к обслуживанию массового социального иждивенчества и паразитизма от «новых русских» и до «новых бедных». В современной России нет подлинной демократии в том смысле, что подавляющая часть населения мирится с условиями своего полуголодного существования. Политическое структурирование провинции есть в основном модификация крестьянской политической ментальности применительно к реалиям грядущих избирательных кампаний.

Примечания

¹Под «бонапартизацией» местных режимов мы понимаем курс региональных администраций на сближение с интеллектуальной элитой, на вытеснение агентов бизнеса и криминала из власти, на достижение социального согласия в обществе при усилении социального отбора в выдвижении в органы управления, что имело место при Наполеоне Бонапарте. Это воплотилось в создании института кавалеров Ордена Почетного легиона.

²См.: *Аберкромби Н., Хилл С, Тернер Б.* Социологический словарь / Пер. с англ. Казань, 1997. С. 127.

³Энциклопедический социологический словарь / Общая редакция акад. РАН *Осипова Г.В. М.*, 1995. С. 168; См. также: Социология в России/Под ред. *В.А. Ядова.* Изд. второе, перераб. и дополн. М., 1998. С. 160-169; Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. *Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина.* Новосибирск, 1980. С. 38-45.

⁴См.: *Барзилов С.* Ядро и периферия. Политическое структурирование регионов и его отражение в провинциальной ментальности // Независимая газета. 1998. 26 марта.

⁵Данные по Поволжскому региону, полученные авторами в процессе социологических исследований в 1996-1998 годах (Волгоградская, Саратовская, Самарская области).